

Ленинградское отделение общества "МЕМОРИАЛ".

Историко-архивная комиссия.

Запись на диктофон беседы с ТРИФОНОВЫМ Владимиром Ильичем.

Беседа состоялась 12 августа 1990 года.

Обозначения: O - Орлова Н.Б.

% % - приблизительная

VI - В.И.Трифонов

передача смысла

VI: Я уже задавал вопросы корреспондентке "Набата" Михайловской Татьяне Федоровне...

O: И она что обещала?

VI: Сообщить мне сведения по поводу тех, % кто был со мной в Ленинградской СПБ% .

Я одного нашел: на стенде записан. Шашенков Евгений - умер, оказывается. А других нет. Он все-таки еще не старый был...

/ 11 августа В.И.Трифонов при регистрации сообщил Н.Б.Орловой, что по Ленинградской СПБ в период 1968-1974 помнит следующих ленинградцев, обвинявшихся по ст.ст. 190 и/или 70:

ШАШЕНКОВ Евгений Викторович - жил в г.Пушкин

БАРАНОВ Николай Иванович

ГУРТОВ Сергей

ИЛЬИН Александр.

На вопрос, не припомнит ли В.И. еще кого-нибудь из "политических", он ответил отрицательно./

VI: Я свою историю излагал уже...

O: И записывали Вас?

VI: Нет, не записывали.

O: Кем Вы работали и где?

VI: Я работал после окончания школы... Я окончил школу в 56-м году. Тогда, знаете, в институт и в техникум было трудно поступить - материальное положение у нас было плохое. Я работал в колхозе почтальоном. Это Тверская область, Пеновский район, деревня Орлинка. Теперь скоро уже вымрет вся - там уже народу осталось мало...

Я поступил в 60-м году в Осташковский финансовый техникум, окончил его в 62-м году и был направлен по распределению на работу в Ярославскую область. Работал в аппарате Угличского райфин-отдела, в должности инспектора по бюджету. В 64-м году поступил

в Калининский пединститут. На втором курсе ввиду своих независимых взглядов имел неприятности. Я высказывал публично свои независимые взгляды в том плане, что партия дискредитировала себя, запятнана гнусными преступлениями, и за это меня подвергли психиатрической экспертизе в 66-м году. Это я был на втором курсе.

О: А где Вы это высказывали? В общежитии?

ВИ: У нас были семинары по истории партии. И там нам пытались внедрить в сознание то, что КПСС является образцом мудрости и справедливости. Я был тогда не согласен. Я высказал открыто, что партия себя уже дискредитировала. Ну, и преподаватель философии КИПЯТКОВ Петр Николаевич, доцент, донес на меня начальству. Меня отправили на психиатрическую экспертизу. Экспертизу проводил профессор ШПАК, в Твери. И меня признали невменяемым.

О: Владимир Ильич, как Вы пришли к мысли о том, что партия себя дискредитировала?

ВИ: Потому что я собирал сведения разные, интересовался подлинной историей этой власти.

О: С самого начала, или это началось с ХХ съезда?

ВИ: Нет, и до этого я уже интересовался. Я уже знал, что много людей несправедливо уничтожены, дискредитировали многих честных людей коммунисты... Потом я читал как-то в журнале "Москва" повесть - не помню автора; называлась "Барельеф на скале". И там описывалась в лагерях жизнь заключенных.

О: Но ведь это уже, наверное, начало 60-х?

ВИ: Это было в 66-м году, я Вам говорил.

О: До доклада Хрущева Вы уже все знали, или у Вас с него началось, с ХХ съезда?

ВИ: Я уже догадывался об этом, еще до доклада Хрущева. Тогда официально еще не было об этом объявлено. Я уже этим интересовался, у меня уже тогда сложилось особое мнение.

О: Теперь про экспертизу.

ВИ: Признали меня невменяемым. Я был не согласен...

О: Это - больница в Калинине какая-то специальная?

ВИ: Да. Сначала меня направили в психдиспансер. Там проводили. ШПАК написал заключение.

О: Он с Вами только разговаривал, или что-то кололи?

ВИ: Нет. Привезли, поговорили, он написал. Я не согласен был, я на-

- 3 - ТРИФОНОВ В.И.

писал на обжалование. Поехал в Москву – там Институт Психиатрии. Там больница есть, Ганушкина так называемая. Я там не сколько славировал, мне удалось их обвести. Меня признали здоровым, а то заключение – несправедливым. Я потом взял академический отпуск и продолжал уже со следующего года на третьем курсе обучение.

Я продолжал, все равно, свою независимую политику, и меня уже арестовали официально – тогда ареста не было. А тут приехали из Комитета Госбезопасности, посадили в машину /"Волга"/, и посадили в Калинине в тюрьму. На следствии продержали недели две. Следствие вел майор Комитета Госбезопасности, отдела по ~~делам~~ особо важным делам, ~~делам~~ майор ЛАВРОВ Василий Федорович. А здесь стукач был уже некий ЛИСЛЧКИН, Владимир Иванович. Он учился; – это у нас в общежитии возникали неофициальные дискуссии такие. Я там тоже высказывал свою точку зрения, что партия дискредитировала себя и не имеет права оставаться у власти, поскольку уничтожила миллионы людей.

О: Владимир Ильич, как Вы ничего не боялись?

ВИ: А я не боялся.

О: Родились такой?

ВИ: Наверно. "Безумство храбрых – вот мудрость жизни". Ведь не все же трусливые. А я вот не боялся.

Значит, я тогда, наверное, видимо сумасшедший – так, что ли. Я не боялся. И сейчас не боюсь.

Значит, у меня начисто отсутствует инстинкт самосохранения.

О: Владимир Ильич, арест – это 68-й год, пятый курс?

ВИ: Это было на третьем курсе. Первый раз в 66-м году меня подвергли экспертизе. 66-67й для меня потерян год, в 67-м я начал учиться, и 15 марта 68-го года меня уже арестовали. Я был на третьем курсе. А если бы я не потерял, я должен был быть на четвертом. А там 4 года обучение – в пединституте.

Вот меня арестовали. В Калининской тюрьме 2 недели на следствии продержали.

О: Как обращались?

ВИ: Я тогда был на практике, проводил урок в школе. После урока пришли ко мне представители от ректората из ректората, из Комитета Госбезопасности. Сказали: садись в машину, поехали. Я сел. Привезли в общежитие и сказали: "Вы арестованы". Я нисколько не побоялся. Я встал, протянул руки вот так //вперед//. Он спрашивает: "Это зачем?" – "Ну как зачем? Наручники надевайте." – "Ну что Вы, мы наручников не одеваем". – "Ну да, не одеваете. Я знаю

- говорю,- вашу работу." В таком смысле высказался.

Предъявили ордер на обыск, на арест. Он заявил: "Предлагаю Вам сдать возможно имеющуюся у Вас на руках запрещенную литературу." Я сказал, что у меня нет никакой запрещенной литературы. Но они, тем не менее, обыск сделали. Ничего не нашли, практически, криминального с их точки зрения. Ну, и в тюрьму привезли меня в Калининскую. Я там пять суток держал голодовку по поводу незаконного ареста. Но они меня тогда вызвали и сказали, что в этом случае будут подвергать меня принудительному кормлению. Я подумал и голодовку снял, потому что посчитал, что все-таки, видимо, от этой шайки уже больше ничего не добьешься; но свое слово в этом отношении я сказал.

После этого 2 недели в тюрьме продержали, в Калининской, и направили на экспертизу в Психбольницу общего типа - Калининская областная психбольница имени Литвинова, почтовое отделение Бурашево. Там 6-е экспертное отделение есть. Меня - туда. Провели экспертизу - там обычно месяц делают.

Но тут есть еще одна примечательная деталь. Когда уже экспертная комиссия выносила свое заключение, тут, как это ни странно, среди этих врачей присутствовал и следователь, который вел мое дело - майор Комитета Госбезопасности ЛАВРОВ Василий Федорович. Он сидел среди этих врачей в белом халате. Он сидел в своем гражданском костюме. Какое отношение он имеет к медицине - я не знаю. Но у меня сложилось впечатление, что, видимо, таким способом КГБ хотело повлиять на заключение врачей, потому что у "них", по-видимому, не было уверенности, что они поставят тот диагноз, который нужен был для КГБ и устраивал бы КГБ. Поэтому "они" послали этого следователя на эту медицинскую комиссию.

Ну вот. Меня, значит, признали невменяемым, судили там без меня - я считаю, это не суд, а расправа, конечно...

О: А разве невменяемых судят?

ВИ: Заочно судят. Вынесли такое решение: "Направить на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа". В Ленинград направили, сюда. До начала сентября 68-го года я был там, ожидал отправки сюда, в Ленинград, - на экспертном отделении, в Бурашеве.

Из Бурашева меня привезли опять в тюрьму, перед отправкой. И в столовинском вагоне перевезли меня сюда, в Ленинградскую спецбольницу. Это Арсенальная, 9. П/я УС20 ОСТ5. Сюда меня перевезли. Ну, и вот здесь я был с начала сентября 68-го года до октября 1974 года. В 74-м году меня перевезли оттуда, из спецбольницы, - этапировали опять в Калининскую тюрьму, а оттуда в пси-

хиятич.больнице общего типа п/о Бурашево. Вот туда. Там я был до 6-го мая 75-го года. Потом приехала за мной моя мама и меня оттуда выпустили.

О: Пенсию дали?

ВИ: Сначала получал 39 рублей 78 коп., потом прибавили - 50 руб.. Сейчас 70 рублей получаю.

О: С тех пор Вы не работали?

ВИ: Сейчас не работаю.

О: С 75-го года?

ВИ: Да. Я пытался как-то устроиться - меня не приняли. А на неквалифицированные работы я и сам особенно не желаю.

Я жил с того времени в деревне с матерью. Деревня Орлинка, Пеновский район, Калининская - теперь Тверская - область.

Мама умерла 20-го марта 88-го года, а перед этим я купил полдома в Осташкове. И я переехал оттуда. Сейчас живу в Осташкове, улица Володарская, 235.

О: Вас сейчас сняли с учета?

ВИ: А я просто не интересуюсь. Для меня это уже не имеет значения.

О: Но они Вас не беспокоят никак?

ВИ: Они меня сейчас практически не беспокоят. А вот когда вызывали меня, то я не являлся к ним. Ни одного раза по вызову я к ним не являлся. А сейчас они меня не беспокоят.

О: Владимир Ильич, расскажите, в ленинградской спецбольнице какая была обстановка? Как с Вами обращались?

ВИ: Обращались не особенно. Сами знаете. Там принудительное лечение - разными препаратами, таблетками разными пичкают. Это для того, видимо, чтобы залечить людей и - или из людей сделать бессловесную скотину, или на людях неугодных экспериментируют, как на подопытных кроликах. И человеческое достоинство не ставится ни во что. Особенно усердствовал там в те годы заведующий 7-го отделения СОВЕТОВ Олег Михайлович. Он особенно усердствовал в этом направлении.

О: Сколько человек было в палате? Или переводили из палаты в палату?

ВИ: Из палаты в палату переводили. Но обычно - 16, 18 человек в палатах. А потом, когда перевели в это самое Бурашево, так там - при царе эти здания выстроены были еще - там 45-50 человек было

вместимость рассчитана - так там в некоторые моменты сейчас размещают до 200 человек. Коек на всех не хватает, в этом самом Бурашеве. И люди - большинство - спят на полу, вповалку, как скотина, как в свинарнике или в скотном дворе - в этом самом Бурашеве. Это даже хуже, чем в Ленинграде. Здесь хоть на всех койки, а в Бурашеве - на полу спят большинство. Как скотина.

О: Владимир Ильич, а что за публика была в ленинградской больнице?

ВИ: Большинство - это уголовники. Большинство - процентов, наверное, 90 с лишним - это уголовники: убийцы, воры. Политических было мало.

О: А были там люди - не уголовники, не политические, а попавшие в какие-то обстоятельства? Вот, мне рассказывали случай о милиционере, которого начальство хотело попугать и засунуло на несколько дней, чтобы понял, что это такое.

ВИ: Нет, на несколько дней обычно туда не прятали. Там обычно держат порядка нескольких лет. И сразу на свободу обычно не отпускают - пропускают через обычные психбольницы.

Здесь сели аккумуляторы, но диктофон не дал щелчка и несколько минут пропало.

В.И., отвечая на вопросы, говорил следующее: спать ночами в ленинградской СЛБ было вполне возможно; родственники не забывали - присыпали передачи. В санитары были набраны уголовники. Какие препараты кололи: сульфазин, "от которого болит все тело", и "различные нейролептики" /без детального уточнения/.

Дальше Орлова спросила о родителях В.И.Трифонова. Оказалось, что мама его - колхозница.

Далее бездействие диктофона было замечено и вставлены старые батарейки.

О: Какое образование имел Ваш отец?

ВИ: Он вообще имел тогда начальное образование. Ему не удалось получить высшее образование. Его посыпали на курсы. Он был на курсах и работал инструктором-производственником Новоржевского маслозавода - Маслопром тогда назывался.

О: У меня магнитофон выключался. В октябре 42-го он погиб? Илья Матвеевич его звали?

ВИ: Илья Матвеевич.

О: ...Октябрь 42-го, на Северном Кавказе.

Конечно, Вы не от родителей свои взгляды приобрели. Своим умом все.

ВИ: Да, я дошел сам. Можно сказать так: имея критическое мышление на всю эту жизнь.

Я считаю идею коммунизма... Это бредовая идея. Коммунизм построить невозможно так же, как невозможно ~~построить~~ создать вечный двигатель, перпетуумobile. Хорошо бы сделать вечный двигатель - но невозможно. Так же и коммунизм. Коммунизм - это идея бредовая. И во имя этой бредовой идеи вот эта шайка бандитов проводила политику геноцида и уничтожила миллионы - 40 или 50 миллионов человек уничтожено за все время существования Советской власти. И теперь они довели страну до грани экономического банкротства. Я считаю, что К.П. должна быть объявлена вне закона, и виновные в преступлениях должны быть подвергнуты сурровому наказанию. На них не должен распространяться срок исковой давности, как не распространяется срок исковой давности на фашистских преступников, которые также уничтожали людей. И вот коммунистическая пропаганда сейчас льет крокодиловы слёзы и утверждает, что нельзя прощать фашистских преступников. Так почему же мы должны прощать тех коммунистических преступников, которые уничтожали невинных людей? Пытали, мучали. А никто из них не только не наказан, но многие даже получают персональные пенсии. И в этом несправедливость. Они должны лишиться всех привилегий и должны понести суровое наказание. Все те, бывшие сотрудники НКВД, КГБ, ОГПУ и прочих репрессивных органов, на совести которых миллионы уничтоженных невинных людей. Они должны понести суровое наказание! Прощать их нельзя!!!

О: ...Владимир Ильич, Вы почувствовали, что у Вас изменилось здоровье /ухудшилось/ после всех этих психушек? Ощущаете что-нибудь, или более или менее ничего?

ВИ: Иногда сердце, бывает, уже сдает.

О: А вот память, восприятие?

ВИ: Ну память, конечно, стала хуже. Я не знаю, может быть, это от таблеток.

О: Не можете Вы вспомнить момент, когда Вы оттуда вышли, в 75-м году? Вы воспринимали мир иначе, чем раньше?

ВИ: Я воспринимал в основном так же, но, конечно, мне стало известно больше подробностей об этих беззакониях, о которых я раньше,

может быть, и не знал вовсе, а узнал, находясь в застенках.

О: Не приходила Вам в 75-м году мысль, что эти сведения надо сообщить кому-то?

ВИ: У меня не было возможности сообщить. Тогда все это было очень зажато. Под железным кулаком. И у меня не было практически возможности тогда.

• • •

ВИ: Про Шашенкова кто-то написал, что он умер. Если это Шашенков Евгений Викторович - значит, % я один из них остался % .

• • •

О: Вы один живете?

ВИ: Один живу. Один.

О: А братья у Вас есть? Сестры?

ВИ: Есть брат.

О: Далеко от Вас живет?

ВИ: Сравнительно не так далеко - это Кувшиново. От Осташкова недалеко.

О: Вы выдаетесь?

ВИ: Да.

О: Ну, слава Богу.

Далее В.И. читал стихи, из которых записан только один /и то не полностью/. Это стихотворение, по словам В.И., сочинили во время XIX съезда з/к, верившие еще в Ленина. В.И. оговорил, что оценку Ленина он не разделяет.

Проснись, Ильич, взгляни на наше счастье,
Послушай, XIX-й партсъезд,
Как мы живем под игом самовластья,
И сколько завоевано побед.

Взгляни на сцену, как живут артисты,
Литературу тоже не забудь,
Но за железные кулисы
Прошу, Ильич, не вздумай заглянуть.

Там страшно, там страдают люди,
Там нет того, что ты им завещал,
Там нет святых советских правосудий,
Там плач штыков, насилия и кандал.

- 9 - ТРИФОНОВ В.И.

От рабского труда сгибаю спину,
Кровавые мозоли на руках,
Они живут, подобно тягловой скотине,
И спят на нарах, на сырых досках.

Их черным хлебом кормят не досыта,
Они одеты в рваных лоскутах.
Дороги к счастью им навсегда закрыты.
Спасет их только чудо иль Аллах.

На ихних шеях - все Дворцы Советов,
Все ГЭС, и армия, и флот,
О них не пишут в книгах и газетах,
И не хотят, чтоб знал о них народ.

Но все равно народ о них узнает,
Как расцветает социализм,
Как люди кровью истекают
И проклинают подлый коммунизм.

----- Конец стороны кассеты. Конец записи.

Расшифровала Н. Орилов Орлова Н.Б.

15.08.1990

При записи В.И. Грифонова присутствовал
крикет из Швейцарии (присвоен к
Ориловой при Резниковой, после записи
отпущен).

В.И. Грифонов попросил экземпляр
данной машинописи, какой и будет
ему вписан.

Н. Орилов